
КУЛЬТУРА И СОЦИУМ

УДК 304.2

DOI: 10.31249/hoc/2022.02.10

*Шипилов А.В.*¹

[ПОСТ]СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ: [ДО]ИСТОРИЧЕСКИЕ АНАЛОГИ[©]

Аннотация. Прогресс телекоммуникационных технологий на данном этапе развития ведет к слиянию обособленных ранее сфер и сегментов социокультурного континуума. Институты индустриального общества размягчаются и размываются, примером чего может послужить школа: дистанционное образование, доля и значение которого резко выросли в силу мер, предпринимаемых в связи с пандемией COVID-19, приводит к диффузии его в домашнюю бытовую повседневность, что превращает дидактику модерна в анахронизм, не соответствующий наличным условиям. Речь не только об образовании: процессы деинституциализации в обществе в целом становятся все более интенсивными, что делает процессуальность, изменчивость, текучесть определяющим свойством постмодерной социальности. Чтобы понять происходящее, в общественных науках задействуются концепты и концепции, посредством которых социальное репрезентируется как динамическое и темпоральное. Это позволяет выявить аналогию между постиндустриальным и доаграрным обществом, обладавшим сетевым, потоковым и флексибельным характером, что предпо-

¹ *Шипилов Андрей Васильевич* – доктор культурологии, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия, e-mail: andshipilo@yandex.ru

Shipilov Andrej Vasil'evich – Doctor of Culturology, professor of the Department of Philosophy, Economics, Social and Humanitarian Disciplines of the Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, e-mail: andshipilo@yandex.ru

© Шипилов А.В., 2022

ложительно может быть осмыслено в рамках теории развития по спирали.

Ключевые слова: пандемия; дистант; социальность; текучесть; темпоральность; гибкость; постиндустриальное и доаграрное общества.

Получена: 10.12.2021

Принята к печати: 25.12.2021

**Shipilov A.V.
[Post] Modern Sociality: [Pre] Historical Analogues**

Abstract. The progress of telecommunication technologies at this stage of development leads to the merger of previously isolated spheres and segments of the socio-cultural continuum. The institutions of an industrial society are softening and eroding, an example of which can be the school: distance education, the share and importance of which has grown sharply due to the measures taken in connection with the COVID-19 pandemic, leads to its diffusion into everyday household everyday life, which turns the didactics of modernity into an anachronism that does not meet the available conditions. It's not just about education: the processes of deinstitutionalization in society as a whole are becoming more and more intense, which makes processuality, variability, and fluidity the defining property of post-modern sociality. To understand what is happening, the social sciences use the concepts and concepts through which the social is represented as dynamic and temporal. This allows us to identify an analogy between post-industrial and pre-agricultural society, which also had a network, streaming and flexible character, which can presumably be interpreted within the framework of the theory of spiral development.

Keywords: pandemic; teleworking; sociality; liquidity; temporality; flexibility; post-industrial and pre-agricultural society.

Received: 10.12.2021

Accepted: 25.12.2021

Ковидные перемены. То или иное упоминание о COVID-19 уже стало обязательным рефреном в любом разговоре о современном состоянии постсовременного общества, и хотя мне этого совершенно бы не хотелось, упомянуть о нем – хотя бы в качестве преамбулы –

придется. Разумеется, имеются в виду изменения в организации труда, потребления и досуга, принесенные пандемией, а точнее, мерами, предпринимаемыми в противодействие ей, типа локдауна, дистанта и карантина. Наиболее очевидным следствием последнего стала масштабная демобилизация населения – ограничение деловых и туристических поездок и перелетов между странами и внутри государств и стеснение передвижений внутри населенных пунктов, сводимых к марш-броскам от дома до магазина. Но сокращение касается, в принципе, только территориальной мобильности и, по всей видимости (хотелось бы надеяться), есть явление временное: вынужденные карантинны, закрытия границ и запреты на посещение разного рода мест и мероприятий по мере вакцинации (ревакцинации, реревакцинации и т.д.) начнут постепенно отменяться, хотя доковидная степень свободы передвижения будет вновь достигнута еще не скоро (если вообще будет). Что же касается других текущих тенденций и трендов постмодернити, то они в условиях пандемии, кажется, не переламываются, а, наоборот, интенсифицируются. По крайней мере, К. Шваб и Т. Маллере, анализируя вирусную «новую нормальность», приходят к выводу, что пандемия – точнее, связанное с ней требование социальной дистанции – ускоряет рост автоматизации и, соответственно, приводит к сокращению рабочих мест, а также стимулирует переход на дистанционную работу из дома. Это, по их мнению, хорошо и правильно; трудиться из дома полезно как в плане состояния окружающей среды, так и в плане личного благополучия, ибо поездки на работу разрушают последнее, и чем дольше приходится до работы добираться, тем вреднее это становится для нашего физического и психического здоровья [Schwab, Malleret, 2020, p. 43–44, 111–112, 119–120]. Прочие рассуждения авторов о том, что между COVID-19 и загрязнением воздуха существует прямая причинно-следственная связь (последнее – причина, первый – следствие) и потому необходимо содействовать «зеленому тренду» к соответствующего цвета экономике, предполагающей снижение роста ВВП или даже отрицательный рост и ограничение потребления, выглядят интересно, но несколько ангажированно; не исключая, что *future could be greener than we commonly assume*, все же предположим, что желаемое здесь выдается за действительное.

В то же время о работе, проникшей в дом, стоит подумать, ибо работать все чаще и больше приходится именно так.

От диктанта к дистанту. Я говорю о том, что мне всего понятней и ближе – о сфере образования. В течение последних двух лет в силу мер, раз за разом предпринимаемых для борьбы с коронавирусной пандемией, все или подавляющее большинство школьников и студентов, учителей и преподавателей получили опыт того, как можно учить и обучаться, не выходя из дома. Удобство и эффективность дистанционного обучения с помощью сервисов конференц-связи (Zoom и другие платформы) остаются спорными: видеолекции, видеосеминары, видеоэкзамены и т.п. в режиме реального времени имеют и положительные, и отрицательные стороны, и трудно сказать, какие из последних превалируют. В то же время несомненно, что дистант пришел в образование всерьез и надолго, и так или иначе из факультативно-дополнительной формы становится одной из базовых. В связи с этим возникают проблемы как дидактического, так и институционального характера. С одной стороны, воспроизведение традиционных классно-урочных и аудиторно-групповых форм обучения на основе сегодняшних видеокommunikационных технологий выглядит не вполне адекватным, так как конференц-сервисы в принципе не требуют нахождения преподавателя и обучаемых не только в одном месте, но и в одно время. Все или часть последних могут просматривать / прослушивать лекцию в записи, размещенной в облачном хранилище данных, в наиболее удобный для себя момент; в этих условиях конспект становится рудиментом, диктовка превращается в атавизм. С другой стороны, рассогласование старых способов и новых средств обучения есть проблема далеко не главная. Если существует и возможность, и необходимость обучаться и обучать из дома, то для чего тогда нужны классы и аудитории, спортзалы и библиотеки, столовые и котельные, – весь сложный комплекс зданий и помещений, обслуживающий его персонал, расходы на электро- и водоснабжение, отопление и канализацию, уборку и охрану, и так далее и тому подобное? Если обучение становится виртуальным, останутся ли школа и университет материальными?

Трудно сказать; наверное, полной виртуализации образования в ближайшее время ожидать не стоит, но тенденция к его видоизменению наличествует. В связи с этим имеет смысл вспомнить о том, что

модерная / современная система образования приобрела все еще остающийся привычным нам вид только в эпоху Нового времени, причем в главных чертах – лишь в XIX в. В премодерной / досовременной средневековой Европе имеющий степень магистра учитель учил где угодно и как угодно учеников, не знавших никаких форм контроля над собой за пределами учебных часов. Учитель и ученики встречались где-нибудь во дворе, в церкви или у ее дверей, а порой и просто на углу улицы, где и происходил процесс обучения. Если у преподавателя имелись какие-то средства, он снимал помещение (оно-то и называлось *schola*), где ученики сидели прямо на полу, покрытом соломой. В этом помещении (другие площади в том же здании могли арендовать как учителя-конкуренты, переманивавшие друг у друга учеников, так и конкуренты иного рода – держатели публичных домов) собирались вместе мальчики, юноши и мужчины в возрасте от десяти до двадцати лет и старше. Программа для всех была одной и той же, все проходили параллельно, а главным приемом дидактики являлось многократное устное повторение [Арьес, 1999, с. 158–162].

Можно сказать, что домодерная школа представляла собой аддитивную совокупность помещений и лиц, предметов и приемов, которая в то же время слабо вычленилась из окружающего социального контекста на всех уровнях, начиная от школы как здания и заканчивая школой как институтом. Последним школа тогдашняя начинает напоминать школу нынешнюю – точнее, наоборот, намечающаяся линия эволюции образования ориентирована так, что его будущее уподобляется прошлому. Новые технические средства позволяют давать и получать знания дистанционно, что ведет к дисперсии школы как материального объекта, ведомственного учреждения и социального института. И речь здесь не только о школе – я использовал этот пример лишь потому, что он лучше знаком как автору, так и, вероятно, читателю; можно сказать, что развитие и распространение новых телекоммуникационных технологий приводит к деморфизации опорных институтов индустриального общества в целом. Как замечает Э. Гидденс, «возможность совершения действия на расстоянии может отменить необходимость массового нахождения людей в определенном учреждении. Больницы, тюрьмы, школы и т.п. могут быть “разбраны” на отдельные составляющие и “разбросаны” в пространстве и

времени» [Гидденс, 2015, с. 127]. Будь то университет или завод, образование или производство, телекоммуникации минимизируют необходимость хронотопической концентрации и синхронизации человеческой деятельности, что в институциональном плане смотрится движением от дифференциации к диффузии.

Все течет. Привычные структуры размягчаются и плавятся, твердость сменяется текучестью – такой метафорический ряд использовал З. Бауман для описания текущего состояния общества. Жидкости не склонны сохранять форму, для них пространственную определенность заменяет темпоральная подвижность, и потому-то последняя является наиболее подходящим обозначением для «настоящего, во многих отношениях нового, этапа в истории современности» [Бауман, 2008, с. 8]. Жидкостьность / текучесть современности (liquid modernity) выражается в том, что «твердые тела предыдущей эпохи» – институты, традиции, контроль, регулирование, паттерны, правила – и прочие «путы и кандалы» тают и распадаются. Современность движется от пространственной структурности к временной изменчивости; все, от работы до семьи, становится временным и недолговечным, – в общем, *omnia fluunt, omnia mutantur*.

Если социальность предстает тотально и перманентно меняющейся, то неудивительно, что социальное начинают мыслить через изменение, а не через различие. Реалия / вещь в статике отличается от иных и отождествляется с собой, в динамике – отличается от себя, растождествляется и сливается с прочими, утрачивая собственную вещьность / реальность, т.е. бытие собой в отличности / отдельности от других. Если в качестве такой вещи (предмета рассмотрения) взять социум, то он существует отличаясь и бытийствует изменяясь, так что сегодня социальное выглядит более бытийным нежели сущным, понимается / воспринимается не статически-структурным, а динамически-темпоральным. Текучая нестабильность наличной социальности каузально и / или коррелятивно связывается с «необходимостью темпорализации социологии, с утверждением ее динамической сущности в подходах к исследованию общества» [Сивирин, 2018, с. 165]. Последнее по самой своей природе предстает изменчиво-процессуальным: «Нет стасиса, есть только процессы создания и трансформации, – утверждает Д. Урри. – Нет ничего до движения; движение выражает

сущность вещей» [Урри, 2012, с. 113]. Представление о динамичности социального получает все большее распространение, так что социальные объекты понимаются не как вещи, а как процессы, не как существующие, а как становящиеся.

Согласно П. Штомпке, «в современную социологию все глубже и последовательнее проникает представление о *динамическом устройстве общества*». Все социалии от community до society, от малых групп и до общества как такового пребывают в непрерывном движении / изменении, так что их эссенциальность предстает процессуальностью, они не столько существуют, сколько становятся, или существуют через становление. В «новом теоретическом движении», и в первую очередь в теории деятельности и исторической социологии, с конца прошлого века утвердилось положение о том, что социум представляет собой динамический процесс, непрерывный процесс изменений. В новой социальной онтологии «общество скорее формируется, нежели существует, и при этом оно складывается скорее из событий, нежели из объектов»; социальная действительность или социальная жизнь есть постоянное движение / изменение, и «общество, это своеобразное индивидуально-структурное поле, никогда не существует в каком-либо окончательном виде – оно всегда находится в состоянии становления. О нем никогда нельзя сказать, что оно “есть”, оно всегда создается. Оно не представляет собой объект или состояние, а является процессом, не чем-то данным, вырабатываемым каждый раз заново собственным достижением членов этого общества, “предприятием в процессе строительства”, причем такого строительства, которое никогда не остановится, никогда не завершится» [Штомпка, 2005, с. 472, 546–549, 557]. При таком понимании общества пространственно-структурные типы репрезентации закономерно уступают место темпорально-динамическим: как пишет Б. Латур, «социальное – это не место, не вещь, не сфера и не разновидность вещества, а движение новых ассоциаций во времени» [Латур, 2014, с. 329].

Вещи и отношения, сети и потоки. Изменчивость, текучесть, динамичность, процессуальность, темпоральность и тому подобные характеристики социальности встроены в контекст конструктивистски ориентированной социальной онтологии или, лучше сказать, онтологии социального. Если социальное мыслится не через различие, а че-

рез изменение, то из предметного оно становится предикатным. Когда-то Э. Дюркгейм утверждал, что «общество – не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой реальность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» [Дюркгейм, 1995, с. 119]. Но времена социального реализма прошли; крестовый поход против сущности в общественных науках завершился сокрушительной победой антиэссенциализма. Дело даже не в том, что с тех пор общество часто рассматривали как реальность *alieni generis*, редуцируя социальное к биологическому, психологическому, экономическому, политическому, семиотическому и др., а в том, что социальность редко рассматривали как реальность, так как общество перестало быть вещью. Словами Б. Латура, вопрос ставится так: «или общество – или социология. И то и другое одновременно существовать не могут», и все социальные теоретики «понимают, что общество – это виртуальная реальность, *cosa mentale*, продукт гипостазирования, фикция» [Латур, 2014, с. 229]. Аналогичной оказалась и судьба индивида как противоположной стороны дихотомии: в современной социальной онтологии, согласно П. Штомпке, «ни отдельные люди, ни структуры не являются реальными сущностями, самое большее, это мыслимые абстракции» [Штомпка, 2005, с. 550]. И индивиды, и системы не реальны и не сущности; речь не о том, произведен человек от общества или общество от человека, а о том, что и первый и второе суть производные. Функции стали функторами и наоборот – например, если раньше человек говорил языком, то теперь язык говорит человеком; лингвистический и иные повороты вывернули сопряжения определяющих и определяемых, инвертировали пары *master / slave*. Чтойности развеществились в какойности: были личности – стали идентичности, этнос из носителя этничности предстал ее дериватом, и все *groups* превратились в дискретизированные сгущения / стяжения *groupness*. Иными словами, субстанции и атрибуты поменялись местами, при этом атрибуты субстанциализировались, а субстанции атрибутивизировались; если раньше мир состоял из вещей, обладающих свойствами и производящих действия, то теперь он состоит из реифицировавшихся свойств и опредметившихся действий, забравших себе всю реальность реалий. В результате рокировки субъектов и предикатов отношения овеществились, а вещи стали относительными;

«Это радикально *реляционная материальность*, – характеризует новый мир Д. Ло. – Вещи и, тем самым, реалии трактуются как продукты отношений. Они не существуют в-себе и для-себя» [Ло, 2015, с. 175].

Произошедшая в социальных науках деэссенциализация / деэнтетизация наглядно выявляет себя в метафорике «сети», где, действительно, не вещи производят отношения, а отношения производят вещи. В общепредметном плане под сетью понимается прежде всего структура межиндивидуальных и межгрупповых интеракций, более реципрокных, чем редистрибутивных. Она примордиальна в том смысле, что человек современного вида эволюционировал из стайной обезьяны, общаясь и осуществляя осознанную деятельность в коллективе, где индивиды необходимо обменивались значимой информацией, поэтому человек разумный (*Homo sapiens*) – это человек сетевой (*Homo dictyous*) изначально. Как пишет Н. Фергюсон, «социальные сети – это структуры, которые люди образуют самым естественным путем, начиная с самого знания и различных форм его изложения и передачи, а еще, конечно же, с генеалогического древа, к которому непременно принадлежит каждый из нас. <...> К сетям относятся схемы расселения, миграции и смешения, т.е. процессов распространения нашего вида по всей Земле, а также несметное множество культов и повальных увлечений, которые мы постоянно плодим без какого-либо предварительного умысла и руководства» [Фергюсон, 2017, с. 32–33]. Социальные сети предстают в разных формах и масштабах, спонтанно самоорганизуясь или рационально создаваясь, и естественны в том плане, что отвечают генетической способности и потребности человека в объединении и взаимодействии с себе подобными.

В более конкретном плане понятие сети специфицировано в качестве обозначения комплекса социальных связей, возникающих на базе и посредством телекоммуникационных сетей, включающих в себя телефонную проводную, мобильную и спутниковую связь, аналоговое и цифровое телевидение, оптоволоконные и беспроводные сети передачи данных, Интернет и др. Это коммуникационная социальность коммуницирующих коммуникантов определена концептом сетевого социума, обозначаемого М. Кастельсом как «общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основан-

ных на микроэлектронике коммуникационных технологий». Характеристики общества здесь определяются свойствами сети, а они таковы, что связуемое / связываемое производно от связывающего и подчинено связывающему: «узлы существуют и функционируют только как компоненты сетей», при этом за производением и подчинением следует уподобление – «мы сами суть сети, соединенные с миром сетей» [Кастельс, 2016, с. 37, 41, 164].

Перенесением центра тяжести с вещей на отношения теория сетевого общества приближается к сетевой теории общества. Имеется в виду теория «актор-сеть» Б. Латура (и др.), где первый невычленим из второй и, более того, обязан ей самим своим существованием: «актор-сеть – это то, что приводится в действие большой звездообразной паутиной втекающих и вытекающих посредников. Она существует благодаря своим многочисленным связям: подсоединения первичны, акторы вторичны», так что «чем больше у актора связей, тем в большей степени он существует. И чем больше посредников, тем лучше» [Латур, 2014, с. 302–303]. Социум здесь мыслится как сеть, социальное – как сетевое; индивид и общество выступают результатом сетей, понятным образом представляя не предметами / сущностями – они «воспринимаются как конструкции, сотворенные из социальных переплетений», ибо в сети «связи предшествуют узлам» [Мальцева, Романовский, 2011, с. 34]. Как акторы-люди, так и акторы-нелюди (non-human actors) уравниваются в качестве актантов, но не столько производят действия, сколько производимы ими. Люди уподобляются вещам, а вещи уподобляются людям, и даже более того: «Вещи, квази-объекты и подсоединения – реальный центр социального мира, а не агент, личность, член группы или участник и не общество или его перевоплощения» [Латур, 2014, с. 327]. Индивид и социум, таким образом, оказываются на периферии и равно утрачивают и объектность, и субъектность; не важно, кто / что оказывает / испытывает воздействие, так как активность не локализуется между ними, а ими выявляется. «Общество – это не целое, вмещающее в себя все, а то, что проходит “через” все», – указывает Б. Латур; «просто следуйте за потоком» [там же, с. 327, 331].

Как постулирует М. Кастельс, «сети производят потоки» [Кастельс, 2016, с. 37]. В данном случае под потоками имеется в виду

движение информации по каналам связи между узлами сети; но метафора flow в социологии последнего времени разворачивается значительно более широко. В network society еще слишком много и society, и network – с одной стороны, реминисценций субстанции / эссенции, с другой стороны – коннотаций системности / структурности. Но «мир как “порождающий поток”, который *производит* реалии <...> не является структурой или чем-то, что можно картографировать средствами социальной науки, – замечает Д. Ло. – Вместо этого можно было бы представить его как водоворот или бурное течение» [Ло, 2015, с. 23]. Чтобы репрезентировать эту направленную текучесть, избегая семантических оттенков линейности, разграниченности, статичности, и используется понятие потоков «с характерными для них направленностью, плотностью, интенсивностью», которые эффективно замещают «неактуальные конфигурации агентностей и структур». И индивид, и общество представляются не предметно, а событийно, не как фиксированные сущности, а как «последовательности действий, обеспечивающие объективацию и идентификацию акторов». Потоками течет вообще все – информация, образы, идеи, деньги, люди; потоки «ортогональны традиционным социальным структурам», они устремляются через все пределы и границы, и даже производящие потоки сети являются собой не более чем охватывающую их соположенность [Иванов, 2010 а, с. 49; Иванов, 2010 б, с. 53; Иванов, 2012, с. 10, 13]. Таким образом, сети производят, связывают и структурируют потоки, сами состоя из последних; в таком имажинативно-концептуальном ландшафте социологии предлагается (Б. Латуром) «раз и навсегда выйти из большой тени, все еще отбрасываемой быстро исчезающим обществом» и двинуться «по следам социального потока» [Латур, 2014, с. 231].

Фуражерская социальность. Как мне кажется, вышепредставленный концептуально-эвристический инструментарий с равным успехом может быть задействован в отношении не только постсовременной нетрадиционной, но и досовременной дотрадиционной социальности и оформляющей ее культуры. Действительно, если под этим углом зрения взглянуть на неспециализированных охотников и собирателей (фуражеров), чей способ существования определил собой 99% истории человечества и в силу этого может рассматриваться как естественный, становится очевидным, что их общество тоже имеет сете-

вой характер и ничуть не менее, а, скорее, даже более ликвидно (от liquid) и флексибельно (от flexible), чем наше. Их социальная организация – network, их образ жизни – flow; слабоструктурированные в отношении специализации и иерархии резидентные группы foragers с их перманентно тасующимся составом представляют собой пример той же текуче-сетевой социальности, которая приписывается разжижающемуся и деморфизирующемуся нынешнему и в еще большей степени – возможно-вероятному будущему обществу.

Обсуждаемые характеристики весьма естественны и в том плане, что имеют отношение еще к досапиентной и даже дочеловеческой социальности. В частности, ближайшие родственники людей – шимпанзе – большую часть года передвигаются небольшими группами, при попадании на богатый кормовой участок собираются в группы побольше, затем снова разбредаются мелкими группами, но состав у последних уже не тот, что был до временного скопления. Это тасующиеся стада, не имеющие постоянного состава, кроме материнско-детских групп. В пределах конкретных популяций все прочие группировки отличаются «крайней неустойчивостью, преходящим характером и разнообразием состава», они все время возникают, раскалываются, сливаются, исчезают, особи то и дело переходят из одной группы в другую, а некоторые самки и самцы могут вообще не входить в состав групп и бродить в одиночку [Семенов, 2019, с. 194–195]. Возможно, что подобное состояние общностей также могло быть у архантропов и палеоантропов, когда не существовало ни четкой дифференциации, ни оформленной интеграции, а шел некий взаимоперелив между аморфными группами. Для такого объединения (конечно, это только экстраполяция) характерно, что «то разбухая, то съеживаясь в объеме, то распадаясь на единицы, оно не имеет постоянного состава индивидов. Один и тот же индивид может оказываться последовательно членом разных сообществ по мере их соединений, рассредоточений, тасовки» [История ..., 1986, с. 308].

Если от этологии обратиться к более однозначным данным антропологии, то для фуражеров характерна сравнительная непрочность социальных объединений первого уровня – брачных союзов. У высококомобильных охотников / собирателей минимум имущества и им нечего наследовать, поэтому для них вопрос об отцовстве не столь ва-

жен, как для оседлых земледельцев, у которых наследование земельной собственности есть вопрос жизни и смерти, и глава семьи должен быть уверен, что именно он является отцом, а наследник – что он законнорожденный. Для земледельцев контроль сексуальной чистоты жен и дочерей есть задача первостепенной важности, тогда как фуражеры обычно относятся к до- и внебрачным половым отношениям достаточно снисходительно, с чем коррелирует невысокая стойкость их парных семейных ячеек. Так, у эскимосов мужчины и женщины за жизнь обычно проходили через шесть-восемь браков. Сами браки были довольно специфическими: у шавантов и кубео брак считался окончательно заключенным только после рождения первого ребенка, у йекуана развод состоял в том, что жена переставала поить мужа особым напитком, у сеноев вообще не было ни брачной церемонии, ни слов, обозначающих «брак» и «развод», так что, по свидетельствам изучавших их этнографов, они не всегда могли с уверенностью сказать, состоят в браке или нет [История..., 1986, с. 217, 380–381; Моррис, 2017, с. 90–91, 124].

Той же мобильностью объясняется и текучесть, отсутствие стабильного состава социально-хозяйственных групп / общин охотников-собираателей. Последние обычно характеризуются сезонной дисперсностью – сравнительно крупные группы со сменой времени года и, соответственно, основных объектов добычи распадаются на мелкие, включающие в себя не более двух-пяти элементарных семей [Файнберг, 1991, с. 66–67]. С сезонной дисперсностью у фуражерских bands сочетается перманентная диффузность: так, семьи мрабри то и дело покидают одну общину ради того, чтобы присоединиться к другой; общинная организация палийан, как отмечает В.Р. Кабо, «отличается сравнительной неустойчивостью, мобильностью семей и отдельных лиц, переходами их из общины в общину под влиянием различных стимулов»; у хадза так же «группы могут сходиться, расходиться, образовывать новые группы. Одни люди покидают группы, другие вливаются в них» [Кабо, 1986, с. 113, 115, 170]. Дж. Даймонд указывает, что у кхонг состав «нлоре» – территориальной группы – «меняется день ото дня», при этом «возможна по разным причинам и полная смена состава группы» [Даймонд, 2016, с. 72]. У австралийских аборигенов менее половины мужчин постоянно находятся в составе «сво-

ей» локально-десцентной группы, персональные контингенты которых все время перемешиваются не в последнюю очередь из-за того, что молодые мужчины постоянно передвигаются из одного сообщества в другое в поисках брачных партнеров [Артемова, 2009, с. 274; Панов, 2017, с. 337]. Индейцы намбиквара отдельными лицами и целыми семьями уходят из одних групп и присоединяются к другим; «мы видим, что общественная структура намбиквара очень неустойчива, – пишет К. Леви-Стросс. – Группа формируется и распадается, увеличивается или исчезает. В течение нескольких месяцев ее состав, личное имущество и структура могут измениться до неузнаваемости» [Леви-Стросс, 1999, с. 397].

Анализируя эти и подобные данные, свидетельствующие, что у фуражеров «не только группы, но и индивиды свободно перемещаются с места на место и даже меняют групповую принадлежность», антропологи склонны считать *flexibility* – спонтанность, гибкость, подвижность – «специфически охотничье-собираТЕЛЬским свойством» [Артемова, 2009, с. 152–153, 231]. Исследования по контингенту ряда общин показали, что им свойственна высокая генетическая неоднородность; они не имеют постоянного персонального состава и не ведут автономного существования, а потому фуражерские локальные группы, как считает Е.Н. Панов, следует рассматривать «как узлы социальной сети» [Панов, 2017, с. 386]. По мнению О.Ю. Артемовой, в случае фуражеров вообще нельзя говорить о существовании «дискретных корпоративных локализованных социальных объединений», так что «представляется целесообразным применительно к охотникам и собирателям *ведущую* категорию “социальная группа (ячейка, единица)” заместить – в том же качестве *ведущей* – категорией “социальная сеть индивидуальных связей”» [Артемова, 2009, с. 262–263]. К этому можно только добавить, что помимо «сети» не менее удачным для описания подвижности и текучести данного типа социальной структуры, как наиболее древнего, так и наиболее продолжительного и тем самым видоспецифичного для человека, является концепт «потока», в который обращают жизнь и мысль фуражера (мировоззренческие категории и религиозно-мифологические представления охотников и собирателей также характеризуются изменчивостью, спонтанностью и

гибкостью) его безначально-бесконечные территориальные перемещения и социальные передвижения.

Таким образом, постсовременный способ мыслить социальное примечательно соответствует досовременному типу социальности. Отталкиваясь от этого, можно подумывать об аналогии доаграрного и постиндустриального обществ / культур, о том, что, уходя от модерна, постмодерн уподобляется премодерну. Информатизируясь и цифровизируясь, социокультурный континуум становится гиперискусственным и тем самым входит в некое квазиестественное состояние, ренатурализируется и реархаизируется. Я имею в виду не регресс или простое воспроизведение постиндустриалами преаграрных социокультурных характеристик; это больше напоминает развитие по спирали, то самое классическое ленинское «развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе» [Ленин, 1982, с. 9]. Наверное, оснований для серьезного разговора в данной плоскости еще далеко не достаточно, но мне кажется немаловажным обратить на это внимание. Как говорили древнегреческие любомудры, философия начинается с удивления; можно добавить, что и в нашем случае было бы небесполезно удивиться тому, насколько становящаяся социальность постиндустриального, информационного, сетевого и так далее общества по крайней мере в некоторых отношениях начинает походить на социальность условно и собственно первобытных охотников и собирателей, давно ушедшую, но, кажется, готовую вернуться.

Список литературы

- Артемова О.Ю.* Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). – Москва : Смысл, 2009. – 560 с.
- Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с франц. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1999. – 416 с.
- Бауман З.* Текущая современность : пер. с англ. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с.

Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / пер. с англ. – Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 240 с.

Даймонд Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке / пер. с англ. А. Александровой. – Москва : АСТ, 2016. – 672 с.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с франц. А.В. Гофмана. – Москва : Канон, 1995. – 352 с.

Иванов Д.В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010 а. – № 2. – С. 21–51.

Иванов Д.В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин (окончание) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2010 б. – № 3. – С. 51–65.

Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. – 2012. – № 4. – С. 8–16.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – Москва : Наука, 1986. – 574 с.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. – Москва : Наука, 1986. – 304 с.

Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич ; под науч. ред. А.И. Черных. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

Леви-Стросс К. Печальные тропики : пер. с франц. – Львов : Инициатива ; М. : АСТ, 1999. – 576 с.

Ленин В.И. Карл Маркс : Краткий биографический очерк с изложением марксизма // *Ленин В.И.* Избранные произведения : в 3 т. – Москва : Политиздат, 1982. – Т. 1. – 842 с.

Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой ; науч. ред. перевода С. Гавриленко. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2015. – 352 с.

Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. – 2011. – № 8. – С. 28–37.

Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности / под ред. и с введением С. Мэсидо ; коммент. Р. Сифорда, Дж. Д. Спенса, К.М. Корсгаард, М. Этвуд ; пер. с англ. Н. Эдельмана. – Москва : Изд-во Института Гайдара, 2017. – 488 с.

Панов Е.Н. Человек – созидатель и разрушитель: эволюция поведения и социальной организации. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017. – 634 с.

Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. (Проблемы палеопсихологии). – Москва : ФЭРИ-В, 2006. – 640 с.

Семенов Ю.И. Происхождение и развитие экономики: от первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). – Москва : КРАСАНД, 2019. – 720 с.

Сивиринов Б.С. [Рец.] // Социологические исследования. – 2018. – № 5. – С. 165–167. – Рец. на кн.: Волков Ю.Г. Социология будущего : социологическое знание и социальный проект. – Москва : Кнорус, 2017. – 178 с.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева ; вступ. статья Н.А. Харламова. – Москва : Практис, 2012. – 576 с.

Файнберг Л.А. Охотники Американского Севера (индейцы и эскимосы). – Москва : Наука, 1991. – 184 с.

Фергюсон Н. Площадь и башня. Сети и власть от масонов до Facebook / пер. с англ. Т.А. Азаркович. – Москва : АСТ, 2017. – 736 с.

Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. – Москва : Логос, 2005. – 664 с.

Schwab K., Malleret T. COVID-19: The Great Reset. – Cologne ; Geneva (Switzerland) : Forum Publishing, 2020. – 280 p. – ISBN 978-2-940631-11-7.

References

Artemova, O. Yu. (2009). *Koleno Isava: Okhotniki, sobirateli, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [The generation of Esau: Hunters, gatherers, fishermen (experience of studying alternative social systems)]. Moscow : Smysl. (In Russ.)

Ariès, Ph. (1999). *Rebenok i semejnaja zhizn' pri Starom porjadke* [Centuries of childhood: A social history of family life] Ya.Yu. Startsev with the participation V.A. Babintsev (transl. from frenc.). Yekaterinburg : Ural University publ. (In Russ.)

Bauman, Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'*. [Liquid modernity] (transl. from eng.). Saint Petersburg : Piter. (In Russ.)

Giddens, A. (2015). *Nespokoinyi i mogushchestvennyi kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Turbulent and mighty continent. What future for Europe?] (transl. from eng.). Moscow : Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS. (In Russ.)

Diamond, J. (2016). *Mir pozavchera. Chemu nas moguť nauchit' ljudi, do sih por zhivushhie v kamennom veke.* [The world until yesterday: What can we learn from traditional societies?] A. Aleksandrova (transl. from eng.); D.V. Tarasova (ed.). Moscow : AST. (In Russ.)

Durkheim, É. (1995). *Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie.* [The rules of sociological method] A.B. Gofman (transl. from frenc.). Moscow : Kanon. (In Russ.)

Ivanov, D.V. (2010 a). Aktual'naya sociologiya: veselaya nauka v poiskah zlyh istin [Current sociology: A fun science in search of the evil truths]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], (2), (pp. 21–51). (In Russ.)

Ivanov, D.V. (2010 b). Aktual'naya sociologiya: veselaya nauka v poiskah zlyh istin (okonchaniye) [Current sociology: A fun science in search of the evil truths (ending)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], (3), (pp. 51–65). (In Russ.)

Ivanov, D.V. (2012). K teorii potokovykh struktur [To the theory of flow structures]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (4), (pp. 8–16). (In Russ.)

Bromlej, Ju.V. (ed). (1986). *Istorija pervobytnogo obshhestva. Jepoha pervobytnoj rodovoj obshhiny* [The history of primitive society. The era of the primitive tribal community]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

Kabo, V.R. (1986). *Pervobytnaya dozemel'del'cheskaya obshchina* [Primitive pre-farming community]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

Castells, M. (2016). *Communication Power*. [Russ. ed.: *Vlast' kommunikacii*. Transl. from Eng. by N.M. Tylevich; Ed. by A.I. Chernykh. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory], I. Polonskaya (transl. from eng.); S. Gavrilenko (ed.). Moscow : Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Lévi-Strauss, C. (1999). *Pechal'nye tropiki* [Sad Tropics], (transl. from frenc.). L'vov : Initsiativa ; Moscow : AST. (In Russ.)

Lenin, V.I. (1982). Karl Marks. *Kratkij biograficheskij ocherk s izlozheniem marksizma* [Karl Marx. A brief biographical sketch of marxism]. In Lenin, V.I. *Izbrannye proizvedeniya: v 3-h t. T. 1.* [Selected works: in 3 volumes. Vol. 1.]. Moscow : Politizdat. (In Russ.)

Law, J. (2015). *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After method: mess in social science research], S. Gavrilenko (scientific trans. ed.), A. Pisarev, P. Khanova (transl. from eng.). Moscow : Izd. Instituta Gaydara. (In Russ.)

Mal'ceva, D.V., Romanovskij, N.V. (2011). *O sovremennyh setevyh teoriyah v sociologii* [Contemporary networks theories in sociology]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (8), (pp. 28–37). (In Russ.)

Morris, I. (2017). *Sobirateli, zemledel'tsy i iskopaemoe toplivo. Kak izmenyayut-sya chelovecheskie tsennosti* [Foragers, farmers, and fossil fuels. How human values evolve], S. Mesido (ed. & pref.); R. Siford, Dzh.D. Spens, K.M. Korsgaard, M. Etvud (comment.); N. Edel'man (transl. from eng.). Moscow : Izd. Instituta Gaidara. (In Russ.)

Panov, E.N. (2017). *Chelovek – sozidatel' i razrushitel': Evolyutsiya povedeniya i sotsial'noj organizatsii* [Man – creator and destroyer: Evolution of behavior and social organization]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK. (In Russ.)

Porshnev, B.F. (2006). *O nachale chelovecheskoy istorii. (Problemy paleopsikhologii)*. [On the beginning of human history. (Problems of paleopsychology)]. Moscow : FERI-V. (In Russ.)

Semenov, Yu.I. (2019). *Proiskhozhdenie i razvitie ekonomiki: Ot pervobytnogo kommunizma k obshchestvam s chastnoy sobstvennost'yu, klassami i gosudarstvom (drevnevostochnomu, antichnomu i feodal'nomu)* [The origin and development of the economy: From primitive communism to societies with private property, classes and state (ancient oriental, antique and feudal)]. Moscow : KRASAND. (In Russ.)

Sivirinov, B.S. (2018). Book rev.: Volkov Y.G. *Sociologiya budushchego: sociologicheskoe znanie i social'nyj proekt* [Sociology of the future: sociological knowledge and social project]. Moscow : Knorus, 2017. 178 p. In *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], (5), (pp. 165–167). (In Russ.)

Urry, J. (2012). *Mobil'nosti* [Mobilities], A.V. Lazarev (transl. from eng.); N.A. Kharlamov (introductory article). Moscow : Praxis. (In Russ.)

Fainberg, L.A. (1991). *Okhotniki Amerikanskogo Severa (indeitsy i eskimosy)*. [Hunters of the American North (indians and eskimos)]. Moscow : Nauka. (In Russ.)

Ferguson, N. (2017). *Ploshchad' i bashnya. Ceti i vlast' ot masonov do Facebook* [Square and tower. Networks and power from freemasons to Facebook], T.A. Azarkovich (transl. from eng.). Moscow : AST. (In Russ.)

Sztompka, P. (2005). *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. The analysis of society], S.M. Chervonnaya (transl. from polish). Moscow : Logos. (In Russ.)

Schwab, K., Malleret, T. (2020). *COVID-19: The Great Reset*. Switzerland, Cologne/Geneva : Forum Publishing. ISBN 978-2-940631-11-7.